

П. В. Линтур

Традиции русского сентиментализма в творчестве А. В. Духновича

(К 200-летию со дня рождения Н. М. Карамзина)

Изучая сложную и в наше время очень злободневную проблему мирового значения русской классической литературы, мы в своих работах стремились показать, какую роль сыграли М. В. Ломоносов¹ и Г. Р. Державин² в культурной жизни Закарпатья и в чем сказались традиции русского классицизма в творчестве закарпатских писателей.

Продолжая развивать тему благотворного влияния русских классиков на западноукраинских поэтов и прозаиков, в данной статье мы поднимаем вопрос о значении Н. М. Карамзина для литературного развития Закарпатья и о традициях русского сентиментализма в творчестве местных писателей.

Сочинения Н. Карамзина, В. Жуковского и других представителей русского сентиментализма проникали на Закарпатье, несмотря на географические и политические преграды, и пользовались большим читательским спросом.

Карамзин был очень популярен в славянских кругах прежде всего как ученый историк. «История Государства Российского» оказала воздействие на славянских ученых и общественных деятелей, в том числе и на закарпатских, таких как И. С. Орлай, Ю. Н. Венелин, И. Фогараший-Бережанин, М. Лучкай, А. Духнович, А. Добрянский, И. Дулишкович, А. Кралицкий, Е. Фенцик и др.

Когда внимательно читаешь такие значительные труды исторической литературы Закарпатья, как «Historia Carpatho-Ruthenorum» (5 томов) М. Лучкая, «Истинная история карпаторосов, или угорских русинов» А. Духновича, «Исторические черты угро-русских» (3 части) И. Дулишковича и многие другие, нельзя не заметить, что они написаны под влиянием Карамзина, влияние которого на общественную мысль Угорской Руси XIX века не подлежит сомнению.

Карамзин сыграл положительную роль в культурной жизни Угорской Руси не только как ученый историк и государственный деятель,

¹ П. Линтур. Традиции русского классицизма в литературе Закарпатья XIX в., сб. «Русская литература XVIII века и славянские литературы, изд-во АН СССР, М.—Л., 1963; Г. Державин и литература Закарпатья XIX в. Сб. Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры, XVIII век Изд-во «Наука», М.—Л., 1966.

² См. Е. Недзельский. Очерк карпаторусской литературы, Ужгород, 1932, В. Микитасъ. Давні рукописи і стародруки, Ужгород, 1961; Давні книги Закарпатського державного краєзнавчого музею, Ужгород, 1964.

но и как писатель-художник, глава русской сентиментальной школы. Закарпатцам были хорошо известны «Письма русского путешественника», «Чувствительный и холодный», «Бедная Лиза» и другие произведения, которые читались в оригинале, так как русский литературный язык считался также литературным языком Угорской Руси.

Эти сочинения перепечатывались в Ужгороде. Например, в первой художественно-литературной хрестоматии³ перепечатаны следующие тексты Н. Карамзина: «Принятие Русью христианской веры. Великий князь Владимир Святославович» (из «Истории Государства Российского»), «Начало Киево-Печерской лавры», «Великая княгиня Ольга», «Разорение Киева Батыем», «Чувствительный и хладнокровный», «Рейнский водопад», «Из писем русского путешественника». Наряду с избранными произведениями других русских авторов (Н. Языкова, В. Кюхельбекера, А. Глинки, Н. Полевого, К. Полевого, А. Кольцова, В. Жуковского, Н. Гоголя, М. Лермонтова, А. Пушкина, К. Батюшкова, Е. Ковалевского, А. Измайлова, В. Даля, М. Вовчка, И. Крылова, И. Тургенева, И. Хемницера) тексты Карамзина в хрестоматии К. Сабова имеют большой удельный вес. Здесь напечатан и очерк Т. Булгарина «Встреча с Карамзиным».

Развитие сентиментализма в Закарпатье неразрывно связано с именем Карамзина.

Сентиментализм, как и классицизм, не привился на местной почве, но он способствовал демократизации художественного творчества, обогащению его новыми жанрами, углубленному изображению внутреннего мира человека, сближению литературного языка с живой народной речью и письменности — с фольклором.

Сентиментализм в Закарпатье пробуждал интерес образованных людей к жизни крестьянских масс и способствовал развитию романтизма, поэтому его часто называют преромантизмом.

Увлечение местных писателей этим направлением было весьма непродолжительным и совпало с изданием альманаха «Поздравление русинов» в начале 50-х годов.

На страницах этого альманаха печатали свои произведения А. Духнович, А. Павлович, Н. Нодь, И. Вислоцкий, И. Моравчик, А. Федорович, Т. Подгаецка и др.

Наиболее видным представителем сентиментального течения на Закарпатье был Александр Васильевич Духнович (1803—1865), редактор альманаха «Поздравление русинов», заслуженный общественный деятель, выдающийся педагог, историк и писатель — «будитель», основоположник новой литературы на Закарпатье.

Хотя о Духновиче написано большое количество критических статей и монографических работ,⁴ — все же вопрос об отражении в его творчестве литературных направлений остается открытым. Этому вопросу посвящен наш доклад на межвузовской конференции, проходившей в Ужгороде в декабре 1958 г., а также доклад на научной сессии Ужгородского университета 1961 г.⁵

Опубликованные на страницах альманаха «Поздравление русинов» стихотворения Духновича «Тоска на гробе милой», «Сирота в заточении», «Храм любви», «Незабудка» открывали новый этап в литературной деятельности писателя-«будителя», характеризующийся повышенным интересом к устной поэзии и к живой народной речи.

³ «Краткий сборник избранных сочинений в прозе и стихах для упражнения в русском языке», составил Кирилл Антонович Сабов, Ужгород, 1868.

⁴ См. сб. «Олександр Духнович», Пряшев, 1965, стр. 406 (библиография литературы о жизни и творчестве Духновича только за последние 20 лет насчитывает 250 названий!)

⁵ Доповіді та повідомлення УЖДУ, серія філологічна (№ 7), Ужгород, 1961.

Отходя от философско-религиозных тем, выдвигаемых на первый план в классицистических одах, Духнович углубляется в сложный мир человеческих эмоций. Лейтмотивом его сентиментально-романтических стихотворений является мысль о непрочности земного счастья, о бренности человеческой жизни.

Стоя у могилы своей возлюбленной, поросшей зеленой травой, поэт тоскует, не находя утешения в красоте вечно живой природы («Тоска на гробе милой»). Он дает обещание, что будет ходить на этот «дерновый холмик» до конца дней своих и будет «горькими слезами его поливати». А когда он умрет, «побежден судьбой», пусть его похоронят рядом с милой, а на стволе плакучей ивы вырежут буквы: «Се тут лежит любовь».

Типичную сентиментально-романтическую картину рисует Духнович в стихотворении «Храм любви». Влюбленному юноше вся карпатская природа представляется в образе необъятного «храма любви», где «белохребетны березки» и «мирточки» растут, не зная холода и зимы; где «столисты розы», «сине-зеленый барвинок» и «благовонны нарциссы» цветут круглый год, а «милая незабудка» напоминает любимую девушку; где «страстный голубочек» воркует-плачет о покинувшей его подружке; куда «любящи горлички радостно прилетают и дзьобок к дзьобочку прилучивши дружно ся витают». Перед восторженным взором поэта открывается волшебная гора «из патожого золота и чистого порфира», на вершине его замок.

На фоне этого сказочно-прекрасного пейзажа выступают «прелестные девушки», резвящиеся, улыбающиеся, и «царь сердец и нежных чувств — купидон», держащий в руке стрелу и готовый пронзить неопытное сердце.

Но картина волшебного царства мгновенно исчезает, как только незнакомец шепнул поэту в ухо: «Взгляни на храм любви... внутренним взором». На месте золотой горы с драгоценными камнями встают руины, на месте зеленых лугов, цветущих садов и рощ — пустыня с сорняками, старыми деревьями. Радостный смех заглушается горьким плачем, стонами. Такъв исход, говорит автор, «радости Купидона», то есть чувственной любви, земного счастья. Окружающий человека «внешний мир» — обман зрения. Если пристально посмотреть на него «внутренним взором», он превращается в прах, исчезает.

Как видим, мировосприятие Духновича типично для писателя сентиментально-романтической школы и названные его стихотворения навеяны поэзией Карамзина, Дмитриева, Жуковского и других представителей русской литературы конца XVIII — начала XIX вв.⁶

Черты сентиментализма более четко проявляются в художественной прозе Духновича и прежде всего в очерке «Памяти Щавника» и в повести «Милен и Любица».

Небольшой очерк «Памяти Щавника» выдержан в стиле сентиментализма. Его главная тема — противопоставление деревни и девственной природы шумному, пыльному и «пышному» городу. Взираясь на живописный холм, на котором тянется к небу деревянная церковь, автор предается философским размышлениям о кратковременности и непрочности человеческого существования и преклоняется перед вечноживущей и цветущей природой. Скромные могилы сельского кладбища подсказывают ему идею равенства людей перед неизбежностью судьбы. Писатель болезненно воспринимает всякое небрежное отноше-

⁶ П. Линтур. Традиции классицизма в литературе Закарпатья XIX в., сб. «Русская литература XVIII века и славянские литературы», изд-во АН СССР, М.—Л., 1963; Г. Державин и литература Закарпатья XIX в. «Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры, XVIII век, сб. 7, «Наука», М.—Л., 1966.

ние человека к природе и даже вид скошенного луга вызывает его горестное восклицание: «О! Колько невинных начинающих развиваться цветков изсекла немилостивая... коса, только молодых телесных цветков падает под неумолимые смерти жестокою косою»...⁷ В гнетущем душевном состоянии автор возвратился домой в свою «хижину» и «целую ночь в ужасном проводил сне».

Очерк Духновича «Памяти Шавника» по своей тематике, по композиции и стилю очень близок к сочинениям западноевропейских и русских сентименталистов, в частности к «Письмам русского путешественника» Карамзина.

Самым значительным и типичным произведением сентиментальной литературы Закарпатья является повесть Духновича «Милен и Любица», опубликованная в альманахе «Поздравление русинов на 1851 год».

Так как эта повесть осталась недоступной не только широкому кругу читателей, но и специалистам, передаем ее краткое содержание. На восточном берегу многоводной реки Лаборец (Словакия), на Синайской горе стоял монастырь, куда стекаются богомольцы со всех окрестных сел и деревень. Здесь встретились шестнадцатилетняя Любица и двадцатилетний Милен. Они с первого же взгляда страстно полюбили друг друга. Одна мысль о том, что Любица может стать женой другого, навредила ужас на Милену и причиняла ему невыносимые страдания. И вот подвернулся соперник — злой пастух Лукан, который, клеветая на девушку, сказал, что Любица обнимала его и целовала, дав обещание быть его женой. Милен в отчаянии чуть не покончил с собой, и только случайная встреча с Любицей раскрыла клевету завистливого Лукана. Влюбленные обвенчались.

Образы героев повести нарисованы в стиле сентиментализма. Любица — простая деревенская девушка, «пастушка» с кристально чистой душой. Автор наделяет ее необыкновенной внешней красотой («она всех дружек своих красоту превышала так, як царица цветов — роза перевышает в праве процветающие косички»), а атрибуты этой красоты типичны для сентиментально-романтической эстетики — «чорненьки оченька», «бело-румяное личко», «узенький, красноватый як дозрела ягодка ротик», «беленькая холмистая грудь», «снегу подобные плечи». Любица, конечно, не похожа на сельских девушек, а скорее напоминает барышню. Она то и делает, что нарядно одевается, собирает цветы для гостей и ходит на свидание с «милым дружечком». За работой мы ее не видим (как и Лизу Карамзина).

Милен — красавец, «пастушок». Своей красотой он покоряет всех девушек. Заметив стоявшую под липой Любицу, он сразу влюбился в нее: «...лотрасса, сердце било грудь, и не осмеливался поглянути на чаровную девушку». А когда Любица ушла, Милен «як бы громовым ударом тронен, остался под липой, слезы с его очей текущи сросили зеленую траву». Милен пасет своих овец и «дует в гласную фуяру», то есть играет на свирели. Влюбившись в девушку, он тоскует по ней, садится на «скалу ужасную» и горюет. Ночью он, подобно горлице, «тужил, гласно говоряще: о, счастливое дерево, тень которого приймает тебя, прекрасна голубочко... Який ветрик холодит твое румяное личко? Где ты?! Ты, сердца моего драгоценный бисер!.. Ачей никогда уже не найду ты?.. О, если бы ты чувствовала мою тужбу, если бы ты знала, коль я пленен тобою?!» Пропливая горячие, обильные слезы, Милен поет чувствительные песенки, сопровождая их игрой на свирели. Когда же счастье вернулось к нему, он чувствует себя «на седьмом

⁷ «Поздравление русинов на 1852 год», стр. 77.

небе». Склонив голову на колени возлюбленной, Милен блаженствует. Своей Любике он подарил «пойманную горличку», а однажды «вырезал на бучку имя любезной, вырезал и свое и оба веночком незабуквным окружил».

Сентиментальным героем выведен в повести и Радан, друг и покровитель Милена. Когда-то он жил в городе и как сенатор занимал ответственный пост. Но, обманутый городскими жителями, разочарованный в городской цивилизации, он ушел в деревню, где подружился с благородным крестьянином-стариком и обрел счастье и душевное спокойствие. В восторженном обращении Радана к природе выражена идея повести, высказано авторское кредо: «— О, прекрасная природа!.. Як ты прекрасна в твоей невинной святине!.. Поздравляю вас, зеленые холмы и долины, шумящие поточки... Оковы, обременявшие мене, исчезли, сердце упоено сладостью, из очей льются чувствительные слезы радости... Здесь все существа наслаждаются спокойствием и счастьем... Невинные селяне! Вы вкушаете спокойно приятности свободы... О, тут живут люди, а в градах бесчувственные звери!...»⁸

Радан говорит, что счастье пребывает только в хижине хлебопашца и пастуха, а в городах он видел ненависть, вероломство, месть, жадность, эгоизм, обман, скупость. В городах «человек человеку змий, враг, волк...» Радан подарил свое имущество старику-крестьянину и проводит остаток дней своих на лоне природы.

Предельно честными, бескорыстными, благородными и морально чистыми являются также Богдан, отец Милена, и Власта, мать Любицы.

Можно провести параллель между героями повести Духновича и повести Карамзина «Бедная Лиза». Любика и по своему социальному положению, и по характеру очень близка Лизе. Так же близки образы Власты и матери Лизы (кстати, и та и другая — честные вдовы). Очевидно, не случайно совпадение географической обстановки и фона в обоих произведениях (у Карамзина действие происходит в окрестностях Симонова монастыря на берегу пруда, у Духновича — в окрестностях Синайского монастыря на берегу реки).

Отмечая идейно-художественную близость творчества А. Духновича и творчества русских писателей-сентименталистов, мы не собираемся утверждать, что закарпатский «будитель» был подражателем Карамзина, Жуковского, Дмитриева.

Социальные корни сентиментально-романтического течения в Закарпатье были своеобразными. Духнович и его соратники принадлежали к мелкобуржуазной среде, в то время как их русские литературные учителя вышли из дворянства. Отсюда разница в мировоззрении тех и других.

Позднее влияние сентиментализма можно проследить и в творчестве современников А. Духновича: Марии Невицкой («Сирота»), Анны Кригер-Добрянской («Любовь»), Терезы Подгаецкой («Тоска над убегшим соколом»), А. Рубия («Сердце»), А. Лабанца («Обновленная любовь»),⁹ писателей-«будителей» младшего поколения — Александра Павловича (1819—1900) — «Сирота», поэма «Став бідного селянина»¹⁰, Анатолия Кралицкого (1835—1894) — повесть «Пастырь в по-

⁸ «Поздравление русинов на 1851 год», стр. 122—124.

⁹ Все эти стихотворения опубликованы в альманахе «Поздравление русинов на 1852 год».

¹⁰ Александр Павлович. Избранные произведения под общей редакцией И. С. Шлепещкого, изд-во Культурного общества украинских трудящихся, Пряшев, 1955.

лонинах»¹¹, рассказ «Казнь неба»¹², Ивана Сильвая (1838—1904) — «Бедная сиротина», рассказ «Сироты»¹³ и др.

Явившись естественным переходом от классицизма к романтизму, сентиментализм оставил заметный след в литературном процессе Закарпатья XIX ст. И хотя увлечение местных писателей этим течением было непродолжительным, оно сыграло определенную положительную роль в культурной жизни Угорской Руси, обогативши ее литературу новыми жанрами, обратив внимание писателей на богатство устного творчества, сблизив литературный язык с живой народной речью.

¹¹ «Заря Галицкая» за 1860 г.

¹² «Галичанин» за 1863 г.

¹³ И. А. Сильвай (Урил Метеор). Избранные произведения, Словацкое изд-во художественной литературы, Братислава, 1957.

Кафедра русской литературы Ужгородского университета
